

УДК 316.3:159.923.2

Индивидуальная и коллективная идентичность в современном российском обществе: к проблеме методологии социокоммуникативного анализа

О. В. Дружба

(Донской государственный технический университет),

С. В. Резванов

(Ростовский государственный строительный университет)

Рассмотрены вопросы формирования теоретико-методологической основы исследования проблем индивидуальной и коллективной идентичности через призму социокоммуникативных процессов. Показано, что процесс формирования человеческой идентичности сопряжён с такими процессами социально-коммуникативной природы, как интернализация и конституирование ценностного сознания общества.

Ключевые слова: индивидуальная идентичность, коллективная идентичность, социокоммуникативные процессы современного российского общества.

Введение. Теоретическому осмыслению проблемы идентичности посвящены многочисленные работы представителей различных областей гуманитарного знания — философии, социологии, психологии, культурологи, истории. Некоторые аспекты междисциплинарного анализа идентичности имеют значительный интерес в контексте проблемы интеграции современного российского общества.

Человеческая идентичность представляет собой сложный в структурном плане психосоциальный феномен, возникающий как результат процесса самоопределения человека, постижения им собственной самости через отождествление себя с другими людьми, культурно-историческими образами, персонажами, социально-культурными общностями. При этом обретение человеком аутентичной идентичности всегда означает факт осознания им своей уникальности, индивидуальности — как личностной, так и коллективной. Уникальный, индивидуализированный образ личностного «Я» выкристаллизовывается в сознании субъекта путём отождествления себя с Другим и на основе сопоставления и дифференциации собственных характеристик и характеристик, присущих Другому.

Теоретические аспекты проблемы формирования индивидуальной идентичности. Значительный интерес представляет точка зрения на феномен человеческой идентичности французского философа П. Рикёра. В работе «Я-сам как другой» он акцентирует внимание на том, что проблема личной идентичности коренится в двойственности термина «идентичность», который, с одной стороны, может употребляться в значении тождественности, с другой — в значении самости [1, с. 145]. Решающее значение при формировании индивидуальной идентичности играет способность рефлектирующего «Я» к постижению собственной инаковости. Рикёр подчёркивает, что «...в идентичности... задействована диалектика дополнительная к диалектике самости и самотождественности, а именно диалектика „Я“ и „другого, нежели Я“. Пока мы остаёмся в кругу идентичности-самотождественности, инаковость другого, нежели „Я“, не представляет ничего оригинального... Дело выглядит совершенно иначе, если инаковость мы сочетаем с самостью» [1, с. 18]. Выражение «я-сам как другой», по словам П. Рикёра, «с самого начала имеет в виду, что самость самого себя подразумевает инаковость в столь глубинной степени, что одну невозможно помыслить без другой, что одна, скорее, переходит в другую, если говорить на языке Гегеля. С „как“ нам бы хотелось связать сильное значение, не только сравнения — самого себя, подобного Другому, — но ещё и импликацию: самого себя в качестве... другого» [1, с. 19].

Сущностная характеристика идентичности — многогранность, многосторонность. Российский философ М. Хомяков, акцентируя внимание на интегративности феномена человеческой идентичности, отмечает в качестве основных его элементов родовую, групповую и индивидуальную идентичности. Однако доля этих идентичностей, существующих в составе индивидуальной «самости» и через неё, может быть различной. Условием формирования названных идентичностей является собственное «другое», от которого происходит отталкивание [2].

Таким образом, феномен человеческой идентичности в самом общем виде представляет собой достаточно сложный образно-оценочно-смысловой конструкт, формирующийся в индивидуальном сознании на основе синтеза результатов различного рода идентификаций.

Следует отметить, что «самоидентификация человеческих индивидов является во всех её проявлениях социальной» [3] и, в конечном итоге, полноценность идентичности, интегрированность образа собственного «я» будет зависеть, по словам американского исследователя Э. Эриксона, «от той поддержки, которую человек черпает из коллективного чувства идентичности, характеризующего значимые для него социальные группы: его класс, его нацию, его культуру» [4, с. 136].

Важным конститутивным элементом человеческой идентичности, определяющим характер социокультурных отношений в современном мультикультурном мире, является социальная идентичность как «осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям — таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом...», феномен, который «возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества», выкристаллизовывается в индивидуальном сознании в процессе полиаспектных социокоммуникативных отношений [5, с. 282].

В статье «Кризис индивидуальной и коллективной идентичности» немецкий философ В. Хёсле рассматривает механизм формирования идентичности сквозь призму проблемы коммуникативно-диалогических отношений. По его мнению, принципиальное значение для прояснения сущности феномена человеческой идентичности, в том числе и его социально-коммуникативной природы, имеет понимание того, что существенной чертой идентичности является, по Канту, первоначальное синтетическое единство апперцепции. Имеется в виду, что субъектам свойственны ментальные состояния и априорная способность к осознанию любых отчётливых представлений в качестве собственных. В. Хёсле отмечает, что данный факт особенно интересен по отношению к мыслям индивида о себе самом, поскольку в этом случае человек одновременно выступает и как субъект, и как объект. В качестве субъекта философ рассматривает такую сторону личности, как «я», а в качестве объекта — самость [6, с. 23—24]. При этом В. Хёсле поясняет: «понять, что является принципом индивидуализации — „я“ или самость — весьма нелегко... Чрезвычайно важно понять, что различие между „я“ и самостью относительно. „Я“ является наблюдающим началом, самость — наблюдаемым; „я“ современного человека научилось наблюдать за его самостью и чувствами, как если бы те были чем-то отличными от „я“, даже если это не предполагает, что самость освобождается от своих чувств. Однако „я“ может также наблюдать за своей склонностью наблюдать, — и в этом случае то, что сначала было „я“, становится самостью. И „я“ может также отождествиться с самостью — то, что сначала было самостью, становится „я“. Проблема идентичности в любом случае является проблемой отождествления, идентификации „я“ и самости» [6, с. 24].

Обращаясь к вопросу социально-коммуникативной природы идентичности, следует отметить, что, согласно В. Хёсле, для успешной самоидентификации — благожелательного признания личностным «я» собственной самости — «я» должно обладать описательными и нормативными образами, которые сформировались в сознании человека не только по отношению к другим людям, но и к себе самому — своей самости. Таким образом, осмысленное, рациональное принятие самости личностным «я» требует гармоничного сочетания этих двух образов. Иными словами,

«я», выполняющее функцию оценивающего субъекта, должно характеризоваться наличием действительного знания о себе самом, иметь оценку нормативного образа собственной самости и представление о приемлемости своих действий и поступков, рассматриваемых с морально-этической точки зрения.

Очевидно, что нормативный образ собственной самости выкристаллизовывается в процессе конституирования ценностного сознания личности, а если быть точнее — в процессе коммуникативно-диалогического усвоения индивидом религиозных, эстетических, нравственных, политических ценностей той социальной общности, которой он принадлежит. В. Хёсле отмечает в этой связи, что для формирования разумного нормативного образа своей самости действия индивида, его оценки, мнения, суждения не должны вступать в противоречие с функционирующими универсальными нормами, всеобще разделяемыми социальными ценностями, поскольку любое их нарушение и игнорирование «делает идентичность самости паразитической, особенно в том случае, если я продолжаю ожидать от других людей уважения тех норм, которым больше не намерен следовать» [6, с. 25].

Знание о собственной самости, равно как и нормативный образ, складывается в процессе коммуникативного взаимодействия индивида с другими индивидами. Значительное влияние на идентичность оказывает воспринимаемое человеком собственное «социальное Я», представляющее собой, согласно концепции символического интеракционизма Дж. Мида, совокупность образов индивида, сформировавшихся у других людей. При этом В. Хёсле подчёркивает, что функция Другого в процессе самоидентификации личности не сводится только лишь к созданию «социального Я» и его привитию индивиду. Во-первых, важно понимание того, что человек может быть идентичен себе только в том случае, если обладает определённым набором индивидуальных характеристик, которые осознаются им как уникальные в процессе сравнения себя с Другим. Во-вторых, нельзя не принимать во внимание тот факт, что «полноценность» идентичности определяется признанием индивида другими людьми, которое происходит на основе общности присущих им ценностных ориентаций и интересов.

Таким образом, исследовательская позиция В. Хёсле, касающаяся социально-коммуникативной природы человеческой идентичности, в значительной степени пересекается с положениями концепций М. Бахтина и Дж. Мида, придерживавшихся мнения, что процессы личностного самоопределения, постижения и утверждения человеком своих индивидуальных характеристик реализуются посредством многоаспектных коммуникативных взаимодействий. Соответственно, «я» предстаёт в концепциях исследователей «как продукт взаимодействия индивида с другими людьми, как отклик на отношение ко мне других, как нечто возникающее в социальных коммуникативных отношениях» [7].

Теоретико-методологические аспекты проблемы коллективной идентичности. На целый ряд значимых функциональных характеристик социальной идентичности как феномена, формирующегося в процессе социально-коммуникативного взаимодействия, обращает внимание сербский исследователь Д. Степанович-Захариевская. Она отмечает, что основным регулятором общественной жизни являются коллективные ценности, усвоение которых воспринимается индивидом как один из знаков приобщения к определённой социальной группе. Сформировавшаяся коллективная идентичность, в свою очередь, создаёт предпосылку для реализации индивидом системы социальных ролей, то есть «подготавливает» человека к участию в общественных отношениях. Не менее важная функция коллективной идентичности заключается в том, что она является своего рода «фиксатором» «исторической памяти», благодаря чему члены сообщества в различные исторические периоды испытывают субъективное ощущение сопричастности к общей судьбе [8].

Анализ представленных точек зрения позволяет сделать вывод, что процесс формирования человеческой идентичности сопряжён с такими значимыми процессами социально-коммуникативной природы, как интернализация и конституирование ценностного сознания личности. Очевидно, что адекватная современной социокультурной ситуации социальная идентичность — идентичность, основанная на ценности диалога, — может сформироваться только как результат диалогического участия индивида в социальной жизни общества, осмысленного принятия им системы социальных ценностей, норм, идеалов, моделей поведения.

Значительный интерес представляет социально-философская концепция современного отечественного философа М. Хомякова, который считает, что на современном этапе исторического развития существенным интеграционным потенциалом обладает такой тип социальной идентичности, как гражданская идентичность, формирование которой предполагает развитие коммуникативно-диалогических отношений между субъектами многомерного социально-политического пространства и отказ от использования манипулятивных коммуникативных технологий. Отмечая повышенную конфликтогенность современного социума, М. Хомяков в качестве центральной задачи политической теории видит согласование «идей социальной солидарности, толерантности и групповой идентичности и построения на этой основе некоей модели общества, в которой данные идеи не препятствуют друг другу, но скорее друг друга дополняют и усиливают» [2]. Основная сложность решения данной проблемы заключается в «природной противоречивости» феноменов идентичности и толерантности. Речь идёт, прежде всего, о том, что процессы формирования идентичности и толерантности прямо противоположны друг другу. Механизм конституирования идентичности, представляющей собой синтез самотождественности и самости, предполагает перманентное отталкивание от Другого, толерантность же формируется путём временного «забвения» инаковости Другого, уважительного восприятия его субъектом толерантности как «равного» себе. Таким образом, толерантность несёт в себе скрытую угрозу для идентичности того объекта, на который она направлена. В свою очередь, стирание инаковости объекта толерантности, его нивелировка может иметь самые непредсказуемые и опасные для стабильного существования социума последствия. «Бунтом идентичности против толерантности» называет философ в этой связи международный и внутренний терроризм.

Однако, несмотря на имеющиеся противоречия, существуют весомые аргументы, говорящие в пользу симбиоза «идентичность — толерантность» как гаранта мирного сосуществования различных социокультурных групп, религий, наций в рамках современного социума. Ограничение толерантности в целях защиты национально-государственной идентичности в мультикультурном, многонациональном обществе, характеризующемся радикальным «плюрализмом ценностей», неминуемо приведёт к «некоей „кристаллизации“ общественной среды, в которой не будет места вытесняемым на её границы, а потому потенциально криминальным меньшинствам» [2].

Кроме того, групповая идентичность является неотъемлемым конститутивным элементом индивидуальной идентичности. Следовательно, «индивид не может эффективно реализовать свою индивидуальную свободу (или, если угодно, свою автономию), если его идентичность как члена группы находится под угрозой. Индивид, в конце концов, никогда не есть только индивид, он — всегда и довольно существенным образом — член группы» [2]. И, наконец, интолерантность и конфликтность не являются перманентными качествами стабильной идентичности, а проявляются по большей части в кризисные периоды, сопровождающиеся, как правило, ломкой устоявшейся системы ценностей социума.

Проблема интеграции современного плюралистического поликультурного общества может быть решена путём формирования некоей общей для различных социокультурных групп идентичности, согласующейся с идеей толерантности. Речь идёт о максимально нейтральной в ценностном отношении гражданской идентичности, которая противопоставляется М. Хомяковым так на-

зываемым «ценностно нагруженным» идентичностям — национальной, государственной, культурной, религиозной и др. — в их способности консолидировать современный социум. Однако гражданская идентичность не должна рассматриваться исследователем как альтернатива названным групповым идентичностям, а напротив — выступать необходимым условием для их поддержания, «здорового» развития и, соответственно, сохранения всего культурно-национального многообразия российского социума.

Таким образом, толерантная гражданская идентичность должна быть основана на идее гражданства, переосмысливаться в соответствии с современной социокультурной ситуацией. В классических концептах гражданства либеральных и республиканских теоретиков, в частности в работах Руссо и Милля, идея гражданства во многом перекликается с идеями религиозной или национальной идентичности, которые, как было сказано ранее, могут препятствовать формированию толерантного сознания современного социума и не являются более основными консолидирующими силами в многонациональных, полиэтнических государствах. Адекватное современной эпохе понимание феномена гражданства мы находим у Д. Уэйнстока, который идею гражданства основывает на демократических принципах свободы, правовой защиты и автономии личности.

Исходя из положений концепции гражданства Д. Уэйнстока, в качестве обязательных условий для формирования гражданской идентичности могут рассматриваться следующие.

Во-первых, в условиях глобализации, характеризующейся интенсификацией миграционных процессов, процедура получения гражданского статуса должна быть максимально прозрачной, понятной и общедоступной. Во-вторых, формирование устойчивой гражданской идентичности у представителей национальных меньшинств требует официального утверждения определённого набора групповых прав (в зависимости от конкретного социально-политического контекста), реализация которых будет способствовать стабильному существованию этнических, культурных, религиозных и других групповых идентичностей. Таким образом, гражданский статус позволит представителям меньшинств воздействовать на общественную сферу, стать полноправными участниками публичного дискурса именно в роли носителей уникальных коллективных идентичностей. «Только в этом случае гражданская идентичность, — отмечает М. Хомяков, — будет восприниматься представителями „наружных“ идентичностей как ресурс... Только в этом случае, следовательно, гражданская идентичность станет способствовать солидарности, интеграции и толерантности общества» [2]. В-третьих, идея гражданства и, соответственно, гражданской идентичности подразумевает создание в обществе условий для осуществления гражданами права автономии или самоуправления. Реализация данного права возможна посредством функционирования институтов гражданского общества и организации открытого публичного дискурса в процессе принятия важных политических и социально-экономических решений. Помимо этого, важным фактором развития устойчивой гражданской идентичности выступают базирующиеся на доверии и «гражданской дружбе» отношения в социальном мире.

Чувство принадлежности к социальной общности является в современном мире одним из основополагающих факторов стабилизации общественных отношений. При этом следует отметить, что коммуникативные механизмы формирования социальной идентичности в современной социокультурной ситуации не должны препятствовать автономии личности, реализации общечеловеческих и гражданских прав. В этом смысле связи с общественностью, учитывая их уникальные феноменологические и функциональные характеристики, могут рассматриваться, с нашей точки зрения, как один из наиболее эффективных коммуникативных инструментов формирования адекватной современной ситуации социальной идентичности.

Механизм реализации социальной интеграции обеспечивается рядом частных функций социальной коммуникации. Высокий консолидирующий потенциал социальной коммуникации в обществе обусловлен, прежде всего, такой её функцией, как социальная идентификация, реали-

зующейся через посредство частных функций, главным образом, функций социализации, интернализации, формирования ценностного, морально-нравственного сознания общества.

Для характеристики российского общества рубежа XX—XXI веков в практике научно-исследовательской деятельности используется термин «транзитивный социум», подчёркивающий его переходное состояние, связанное, прежде всего, с демократизацией общественно-политической жизни и со становлением институтов гражданского общества, с плюрализацией социокультурного пространства, изменением традиционных ценностных представлений россиян. При этом процессы модернизации реализуются в условиях глобализации и динамичного развития информационно-коммуникативных технологий, что оказывает существенное влияние на интенсивность и характер их протекания.

Исследователями отмечается, что одним из основных дезинтеграционных факторов в современном российском обществе является кризис социальной идентичности российских граждан, а именно таких её форм, как национально-культурная, историческая, политическая, гражданская. Сложившаяся ситуация актуализировала введение проблемы коллективной идентичности российского общества как важного условия социальной консолидации в круг наиболее острых проблем отечественного социально-философского дискурса. Однако при всей дискуссионности данного вопроса до сегодняшнего дня социально-философское осмысление коммуникативных механизмов формирования социальной идентичности российского общества не выдвигалось в качестве задачи отдельного научного исследования.

Высоким консолидирующим потенциалом в многонациональных, поликультурных, поликонфессиональных государствах, каковым является современный российский социум, обладает гражданская идентичность, выкристаллизовывающаяся в процессе коммуникативно-диалогического взаимодействия субъектов социально-политической сферы. Российский социолог Л. М. Дробижева отмечает, что в России начала XXI века, в период, когда миновала актуальная опасность сецессии и снизилась угроза сепаратизма, в число приоритетных проблем общества вошли борьба с терроризмом, ростом ксенофобии и экстремизма. Именно в этих новых условиях общественного развития особую актуальность приобрела задача формирования гражданской идентичности, гражданского сознания и поведения у россиян как важных стабилизирующих, интегрирующих факторов.

Необходимо отметить, что в российском социально-философском дискурсе представлены различные подходы к пониманию феномена гражданской идентичности. Отметим, прежде всего, те точки зрения, которые, на наш взгляд, отражают понимание авторами консолидирующей функции гражданской идентичности в современном российском обществе, независимо от того, какое смысловое содержание они вкладывают в это понятие. Значительный интерес представляет точка зрения, согласно которой гражданская идентичность понимается в западноевропейском смысле как сложный образно-смысловой конструкт коллективного самосознания, формирующийся на основе интернализации ценностей, идеалов и нормативных поведенческих моделей, присущих гражданскому обществу. В этой связи принципиально важно отметить, что, поскольку центральными идеями, на основе которых конституируется гражданское общество, выступают идеи демократии и суверенитета самоуправляющегося народа, гражданская идентичность определяет принадлежность индивидов и их групп к нации как совокупности общественно-политических сообществ, «консолидированных в рамках конституционного государства, имеющих политическую, договорную природу», то есть к гражданской нации [9, с. 12].

Ряд российских исследователей, в частности известный отечественный историк В. А. Тишков, придерживаются мнения, что гражданская идентичность включает в себя целый «комплекс компонентов индивидуального и коллективного самосознания, определяющих принадлежность к стране, её народу на основе общеразделяемых историко-культурных и духовных ценностей, на

основе чувства патриотизма и лояльности по отношению к Родине и государству» [10]. Совершенно очевидно, что в представленном подходе акцент сделан, главным образом, на государственный аспект гражданской идентичности, тогда как собственно гражданский компонент идентичности, основанный на интериоризированных коллективным сознанием ценностях и идеалах самоуправляющейся гражданской нации-государства, выносится за скобки. Следовательно, понятие гражданской идентичности в представленном смысле, как совершенно справедливо замечает Л. М. Дробижева, может быть заменено на более корректное в современном контексте понятие «государственной — российской — идентичности» [9, с. 13].

Заключение. В современных российских условиях, в условиях поликультурализации и плюрализации, демократизации, а также актуализированной руководством страны социально-экономической модернизации, гражданская и государственная идентичности должны органично дополнять друг друга в качестве доминирующих компонентов коллективной идентичности. Иными словами, общегражданская (общегосударственная) — общероссийская — идентичность, интегрирующая в себе гражданскую и государственные идентичности, может рассматриваться как актуальный для современной России тип коллективной идентичности, обеспечивающий достижение социальной солидарности независимо от национально-культурной, религиозной принадлежности российских граждан.

Библиографический список

1. Рикёр, П. Я-сам как другой / П. Рикёр. — Москва: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2008. — 416 с.
2. Хомяков, М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства [Электрон. ресурс] / М. Б. Хомяков. — Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/289809/chast_1_teoreticheskie_problemy.pdf.htm.
3. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности [Электрон. ресурс] / В. А. Ядов // Мир России. — 1995. — № 3—4. — Режим доступа: http://www.isras.ru/files/file/publication/mir_rossii_1995_no3-4_yadov.pdf.
4. Эриксон, Э. Трагедия личности / Э. Эриксон. — Москва: Алгоритм: Эксмо, 2008. — 256 с.
5. Бергер, П. Л. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. — Москва: Медиум, 1995. — 323 с.
6. Апокалипсис смысла: сб. работ западных философов XX—XXI вв. / ред. О. Селин. — Москва: Алгоритм, 2007. — 272 с. — ISBN 978-5-9265-0427-6.
7. Лекторский, В. А. Знание о субъективности как социально-культурный феномен / В. А. Лекторский. — Режим доступа: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/knowledge.html.
8. Степанович-Захариевская, Д. Актуальность исследования идентичности в условиях общественной трансформации на Балканах [Электрон. ресурс] / Д. Степанович-Захариевская // Социологические исследования. — 2008. — № 5. — Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/file/socis/2008-05/stepanovich.pdf>.
9. Дробижева, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л. М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. — Москва: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. — С. 10—30.
10. Тишков, В. А. Актуальные вопросы нацполитики [Электрон. ресурс] / В. А. Тишков. — Режим доступа: <http://www.penza.ru/society/relations/actual>.

Материал поступил в редакцию 21.12.2011.

References

1. Rikyor, P. Ya-sam kak drugoj / P. Rikyor. — Moskva: Izd-vo gumanitarnoj lit-ry, 2008. — 416 s. — In Russian.
2. Xomyakov, M. B. Identichnost', tolerantnost' i ideya grazhdanstva [E'lektron. resurs] / M. B. Xomyakov. — Rezhim dostupa: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/289809/chast_1_teoreticheskie_problemy.pdf.htm. — In Russian.
3. Yadov, V. A. Social'ny'e i social'no-psixologicheskie mexanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti [E'lektron. resurs] / V. A. Yadov // Mir Rossii. — 1995. — # 3—4. — Rezhim dostupa: http://www.isras.ru/files/file/publication/mir_rossii_1995_no3-4_yadov.pdf. — In Russian.
4. E'rikson, E. Tragediya lichnosti / E. E'rikson. — Moskva: Algoritm: E'ksmo, 2008. — 256 s. — In Russian.
5. Berger, P. L. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman; per. s angl. E. Rutkevich. — Moskva: Medium, 1995. — 323 s. — In Russian.
6. Apokalipsis smysla: sb. rabot zapadnyx filosofov XX—XXI vv. / red. O. Selin. — Moskva: Algoritm, 2007. — 272 s. — ISBN 978-5-9265-0427-6. — In Russian.
7. Lektorskiy, V. A. Znanie o sub'ektivnosti kak social'no-kul'turnyj fenomen / V. A. Lektorskiy. — Rezhim dostupa: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/knowledge.html. — In Russian.
8. Stepanovich-Zaxarievskaia, D. Aktual'nost' issledovaniya identichnosti v usloviyakh obshchestvennoj transformacii na Balkanax [E'lektron. resurs] / D. Stepanovich-Zaxarievskaia // Sociologicheskie issledovaniya. — 2008. — # 5. — Rezhim dostupa: <http://www.isras.ru/files/file/socis/2008-05/stepanovich.pdf>. — In Russian.
9. Drobizheva, L. M. Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' / L. M. Drobizheva // Grazhdanskoe, etnicheskoe i religioznoe identichnosti v sovremennoj Rossii / otv. red. V. S. Magun. — Moskva: Izd-vo In-ta sociologii RAN, 2006. — S. 10—30. — In Russian.
10. Tishkov, V. A. Aktual'nye voprosy natsipolitiki [E'lektron. resurs] / V. A. Tishkov. — Rezhim dostupa: <http://www.penza.ru/society/relations/actual>. — In Russian.

INDIVIDUAL AND COLLECTIVE IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: ON METHODOLOGICAL PROBLEM OF SOCIOCOMMUNICATIVE ANALYSIS

O. V. Druzhba

(Don State Technical University),

S. V. Rezvanov

(Rostov State Construction University)

The questions of the formation of the theoretical and methodological basis for researching problems of individual and collective identity through the prism of sociocommunicative processes are considered. It is shown that the formation of human identity is attended with such processes of sociocommunicative nature as internalization and institutionalization of the axiological consciousness of the society.

Keywords: *personal identity, collective identity, sociocommunicative processes of contemporary Russian society.*